

Сайгин В. В. Языковая объективация концептуального поля «Грех» в моделях русского неузального словообразования / В. В. Сайгин // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 65—79. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-65-79.

Saygin, V. V. (2019). Language Objectification of the Conceptual Field “Grekh” (“Sin”) in the Models of Russian Non-Unusual Word-Formation. *Nauchnyi dialog*, 2: 65-79. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-65-79. (In Russ.).

УДК 811.161.1.:177+811.161.1'276::004.738.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-65-79

Языковая объективация концептуального поля «Грех» в моделях русского неузального словообразования

© Сайгин Вадим Викторович (2019), orcid.org/0000-0003-0542-1106, SPIN-code 4517-1814, кандидат филологических наук, первый проректор, проректор по экономическому развитию и АХР, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Нижний Новгород, Россия), secretar@ahch.unn.ru.

В статье анализируются рефлексy десакрализации концептуального поля «Грех» в моделях окказиональной деривации на базе лексем *грех*, *покаяние*, *добродетель* и *искупление*, которые проявляются в современной русской речи. Материалом для исследования являются данные интернет-коммуникации. Теоретической основой работы выступают принципы исследования языковой концептуализации мира. В работе использованы метод структурно-семантического анализа единиц словообразовательной системы языка и методика лингвокультурологической интерпретации активных процессов в русском языке новейшего периода. Исследуются явления окказиональной именной префиксации (префиксы *супер-*, *гипер-*, *мега-*, *архи-*, *ультра-*, *псевдо-*, *квази-*) и префиксоидизации (префиксоиды *полу-*, *мини-*, *кино-*, *теле-*, *фото-*, *авто-*), в которые включаются лексемы *грех*, *покаяние*, *добродетель* и *искупление*. Обнаружено, что указанные явления актуализуют в дискурсе два типа семантических и стилистических преобразований: (1) неузальное расширение семантического объема (*телегрех*, *фотодобродетель*, *автопокаяние*, *киноискупление*); (2) коннотативно-оценочные и эмоционально-экспрессивныеращения смысла (*минигрех*, *псевдопокаяние*, *супердобродетель*, *мегаискупление*). Делается вывод, что рецепция концептуального поля «Грех» в современной русской интернет-коммуникации отличается определенным выхолащиванием религиозно-христианского содержания этого концептуального поля, характеризуется несерьезным, облегченным, шутивым и иронически сниженным отношением к греху.

Ключевые слова: концептуальное поле; грех; окказиональная деривация; именная префиксация; префиксоид; десакрализация; русский язык Интернета.

1. Введение

В статье освещается роль окказиональных дериватов на базе лексем *грех*, *покаяние*, *добродетель* и *искупление* в языковой объективации концептуального поля «Грех» в современной русской речи. Данная работа представляет новый этап предпринятого нами ранее комплексного лингвокогнитивного описания концептуального поля «Грех» и особенностей его языкового воплощения в речевой практике носителей русского языка и дискурсной реализации в текстах разных типов [Сайгин, 2015]. Этот этап связан с анализом семантических и структурных преобразований лексем — репрезентантов концептуального поля «Грех» в контексте более общих инновационных тенденций, происходящих в русском языке нашего времени на разных уровнях языковой системы и ее речевой реализации [Новые тенденции..., 2014]. Здесь нас будет интересовать функционирование лексем, репрезентирующих концептуальное поле «Грех», в среде действия активных процессов в области современного русского словообразования.

Изучение концептов национальной культуры через призму специфики языковой концептуализации мира этносом [Радбиль, 2007] в последнее время становится знаковым трендом в парадигме современного гуманитарного знания. Идея А. Вежицкой о том, что самые важные концепты культуры кодируются именно в естественном языке [Вежицкая, 1997], получает языковую конкретизацию и дополнительные обоснования в новейших стратегиях научного поиска. В нашей работе мы не просто констатируем и каталогизируем явления языковой неологии применительно к вербальной экспликации концептуального поля «Грех», но и пытаемся дать им лингвокультурологическую интерпретацию.

Национально-специфичные модели языковой концептуализации мира сохраняют свою валидность на протяжении многих столетий духовной эволюции этноса, и, следовательно, их рефлексy можно обнаружить в самых новейших явлениях на разных участках языковой системы, как это показано в работе [Радбиль, 2016, с. 315—324]. Все вышесказанное справедливо и для интересующего нас концептуального поля «Грех».

Изучение разных аспектов концептуального содержания и языковой репрезентации концепта «Грех» и других лексем, формирующих одноименное концептуальное поле, имеет давнюю исследовательскую традицию. Так, в числе современных исследований этой проблемы отметим, например, анализ синтагматики лексемы *грех* и особенностей ее семантической валентности в работе замечательного отечественного лингвиста В. Г. Гака [Гак, 2000], контрастивное исследование религиозных представлений

о грехе в итальянском и русском языках по данным словарей и фразеологии Л. Г. Пановой [Панова, 2007, с. 167—177], характеристику концепта ГРЕХ как строевого элемента национальных картин мира в рамках сопоставительной лингвокультурологии [Семухина, 2008] или русской описательной фольклористики [Брилева, 2007]. Существует также интересный опыт лексикографического описания данного концепта в словаре нового типа — словаре концептов русской культуры [Козина, 2005]. В новейших зарубежных исследованиях концепт ГРЕХ исследуется в основном в научных штудиях, теологической [Kahn, 2017] и историко-культурной [Anderson, 2009], особый исследовательский интерес у зарубежных гуманитариев вызывает изучение моделей концептуальной метафоры («паттернов») греха, как это, например, представлено в монографии Дж. Лэма «Patterns of Sin in the Hebrew Bible: Metaphor, Culture, and the Making of a Religious Concept» [Lem, 2016].

Однако, как нам представляется, в предлагаемом нами ракурсе исследование окказиональных дериватов на базе лексем *грех*, *покаяние*, *добродетель* и *искупление* как репрезентантов концептуального поля «Грех» в активных процессах русского языка последних лет в науке о языке еще не проводилось.

В предыдущих исследованиях мы уже отмечали, что на уровне обыденного употребления языка религиозно-христианский смысл представления о грехе зачастую уступал место совсем иным семантическим компонентам, отражающим уже особенности быта и нравов народа, его ценностей и предпочтений, лишенных христианской окраски. Этот процесс был охарактеризован нами как тенденция к десакрализации религиозно-христианских концептов в современном языковом сознании [Сайгин, 2015, с. 70—71].

Исходя из вышеизложенного, мы можем сформулировать цель настоящего исследования — проанализировать рефлекс десакрализации концептуального поля «Грех» в явлениях окказиональной деривации на базе лексем *грех*, *покаяние*, *добродетель* и *искупление*, которые проявляются в современной русской речи.

Материалом для исследования являются данные интернет-коммуникации как наиболее активной и динамично развивающейся сферы речевой практики современных носителей русского языка.

Теоретической основой работы выступают принципы исследования языковой концептуализации мира, заложенные в трудах Ю. Д. Апресяна [Апресян, 1986] и развитые в работах Т. Б. Радбиля [Радбиль, 1999; Радбиль, 2006].

В работе использованы метод структурно-семантического анализа единиц словообразовательной системы языка [Земская, 1992; Улуханов, 2015] и методика лингвокультурологической интерпретации активных процессов в русском языке новейшего периода [Радби́ль, 2017].

2. Обоснование концепции исследования

В работе исследуются языковые механизмы десакрализации концептуального поля «Грех» в современной русской речи, к которым, в частности, относятся явления окказиональной именной префиксации и префиксоидизации лексем *грех*, *покаяние*, *добродетель* и *искупление* посредством иноязычных аффиксальных показателей.

Сами по себе указанные явления вообще выступают как наиболее распространенные активные процессы в русском языке последних лет, на что, в частности, указано в коллективной монографии «Новые тенденции в русском языке начала XXI века» [Новые тенденции..., 2014]. Возрастание активности префиксации в сфере имен в современном русском языке отмечает, в частности, Е. А. Земская. На протяжении 90-х годов XX века в русском языке шел процесс превращения неразложимых прежде заимствованных основ в основы членимые. Следствием этого была активизация многих иноязычных морфем, приобретение ими способности сочетания с русскими основами. Активизация связана и с тем, что «именно приставкам присуща способность легко присоединяться к различным основам, не вызывая каких-либо изменений» [Земская, 1992, с. 77].

Сходные словообразовательные процессы можно отметить и для префиксоидов. Под префиксоидами понимаются корневые морфемы, выступающие в функции префиксов (*пол-* (*полу-*), *все-*, *само-*, *мини-*, *макси-* и пр.), которые, однако, способны и к самостоятельному употреблению в роли слов с соответствующим корнем: *женский пол*, *он сам*, *мы все*, *носить мини* и т. д. [Лопатин, 1997, 42—44]. От префиксоидов следует отличать, с одной стороны, собственно префиксальные элементы, в диахроническом отношении когда-то осознававшиеся как самостоятельные слова, но в современном языке эту возможность утратившие (типа *еже-*, *между-*), а с другой стороны, «полноценные» корневые элементы сложных слов типа *остро-*, *вечно-*, *быстро-*, в силу того что последние сохраняют конкретное лексическое значение, присущее корню.

В более широкой трактовке к префиксоидам принято относить и регулярные, как правило, иноязычные компоненты, по происхождению представляющие собой усеченные корни, но при этом свободно присоединяющиеся к другим корням в составе сложного слова по продуктивным

моделям словообразования: *теле-, кино-, фото-, авто-, авиа-* и пр. [Козулина, 2008, с. 3—9]. В отличие от префиксоидов первого типа, чье значение по степени абстрактности близко к приставкам, такие префиксоиды все же выражают достаточно конкретное значение (имеющий отношение к телевидению, к кино, к фотографии и пр.), что обычно присуще полноценным корням. Но, в целях нашего исследования, это различие в общем непринципиально, потому что гораздо важнее, что эти элементы «ведут себя», как обычные префиксоиды, включаясь в регулярные модели словообразования наряду со стандартными приставками. При этом важно, что производные слова с префиксоидами и в широком, и в узком понимании одинаково считаются сложными словами (композидами).

Когда лексемы *грех, покаяние, добродетель* и *искупление* включаются в активные процессы окказиональной именной префиксации и префиксоидизации, мы наблюдаем значимые семантические и стилистические явления, которые вполне вписываются в указанную выше тенденцию к десакрализации.

В нашей монографии [Сайгин, 2015] выделяется два направления в смысловых и коннотативно-оценочных преобразованиях лексем — репрезентантов концептуального поля «Грех» в современной русской речи: (1) расширение семантического объема за счет появления новых сфер приложимости лексем, применительно к которым раньше нельзя было мыслить в терминах греха, покаяния, добродетели или искупления; (2) коннотативно-оценочные и эмоционально-экспрессивные приращения смысла, в том числе изменения знака оценочности с плюса на минус, иронически-сниженная и / или шутливая, игровая актуализация лексем — репрезентантов этого концепта в дискурсе и пр. [Там же, с. 118—125]. Далее мы покажем, как эти инновационные тенденции обнаруживаются в двух типах явлений окказионального словообразования на базе лексем *грех, покаяние, добродетель* и *искупление*.

3. Префиксальные новообразования на базе лексем *грех, покаяние, добродетель* и *искупление*

В современной интернет-коммуникации зафиксирована продуктивная модель иронически-сниженного образования новых слов на базе лексем *грех* посредством именной префиксации с участием размерно-оценочных префиксов иноязычного происхождения: *супер-, гипер-, архи-, ультра-, мега-* и пр. Нетрудно увидеть, что данные префиксы не столько обозначают существенный объем или размер, а также повышенную степень чего-либо, сколько выражают особое эмоционально-экспрессивное отношение говорящего к объекту номинации — иронически-сниженную позицию, его несколько несерьезное, «игровое» восприятие:

У них возникают сомнения: может быть, травля России тоже протекает вовсе не из реальных каких-то «супергрехов» России (Наталья Нарочницкая. Сосредоточение России. Битва за русский мир // <https://books.google.ru/books?isbn=5040002068>);

*И тут не только это, что называется: «Сломанная подкова звонче (хвастливей) звенит», по латышской поговорке — тут некий **архигрех**, «коллективное бессознательное» прямо по Юнгу, а, скорее всего — «бессознательное», идущее напрямую от самого Денницы (http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_6/article_82/);*

*Сдавайте его и возьмите вот лучше со скидкой **Ультрагрех-А666**! Да, можно и в рассрочку, вот тут подпишитесь... Эта схема может повторяться (БОГ И САТАНА: МАРКЕТИНГ — Одноклассники: Христианский портал // <https://ok.ru/group53015198367862/topic/66406665964406>);*

*... действие происходит в старой Франции, люди очень консервативные, праздность для них это грех, шоколад вообще **мега-грех**, а магазин они открыли в пост, и местный пастырь всячески пытался их изгнать... (Ум красоте не помеха: Форум // <https://kaliningrad-room.ru/um-krasote-ne-pomeha-70252/>);*

*Для цитирования: Соколов Б.Г. Пост-, транс-, **гипергрех** // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34 (Санкт-Петербургский Университет: Официальный портал // <https://Pureportal.Spbu.Ru/En/Publications/Пост-Транс-Гипергрех>).*

Колебания в дефисной или слитной орфографической реализации указанных неолексем свидетельствуют о недостаточной культурной освоенности этой модели в сознании носителей языка. В ряде случаев встречаем закавыченную передачу этих слов. С одной стороны, кавычки выступают как знак автоцитации, когда говорящий подчеркивает неологичность созданного им слова. С другой стороны, в определенном контекстном окружении (...*вовсе не из реальных каких-то «супергрехов»*) можно говорить и об «иронических кавычках».

В целом представленные примеры демонстрируют оттенок определенной несерьезности, шутилого отношения говорящего к данному понятию, наличие игровой «карнавализации», даже «стеба» в рецепции греха, что изначально было недопустимо в традиционной религиозно-христианской трактовке греха как крайне серьезного, тяжелого повреждения духовной сущности человека.

Указанные инновационные тенденции мы наблюдаем в отношении лексемы *покаяние*, которая также активно включается в модели окказиональной именной префиксации с размерно-оценочными префиксами:

*И поэтому для меня некий диссонанс: книга его и это выступление о “расцерковлении”. На мой взгляд, очень многое там преувеличено: ну, например, о “**суперпокаянии**” (<http://orthodoxy.cafe/index.php?topic=499248.295;wap2>);*

*И такое **мегапокаяние** во всём привело к тому, что при малейших тёрках Берлина с другими странами сразу орут “фашисты!” (<https://dolboed.dreamwidth.org/3084872.html>).*

Окказионализмы с размерно-оценочными префиксами образуются также на базе лексемы *добродетель*:

*«Bünzli!». Этим словом швейцарцы иронично называют своих образцовых представителей, таких носителей «**супердобродетелей**», считая, что все достоинства менталитета в концентрированном виде превращаются в недостатки (<http://vzagranke.ru/zhizn/syr-v-shokolade/veterperemen.html>);*

*Убирать, готовить... ну не нужно мне это. Это называется медвежья услуга, еще это называется — добрыми намерениями выслана дорога в ад, не нужна мне эта ее **гипердобродетель** и никому не нужна, поверьте, это не добро, это на самом деле огромное зло (<http://www.woman.ru/psycho/medley6/thread/3982584/>);*

*В другом же месте (Амбигва 21), прп. Максим сводит четыре добродетели, вначале к двум **архидобродетелям**: мудрости и кротости, а затем сводит эти последние к одной единственной — любви (<https://isolophey.livejournal.com/30628.html>)*

— и лексемы *искупление*:

*Это монументальное предприятие, чреватое опасностями и угрозой ужасных страданий, приведет его участников к воротам Иерусалима, главной цели христианских паломников. В качестве такового оно будет иметь огромный искупительный потенциал, станет **суперискуплением**, способным избавить душу от любых прегрешений (https://www.e-reading.club/chapter.php/1021724/16/Esbriidzh_Krestovye_pohody_Voyny_Srednevekovya_zh_Svyatuyu_zemlyu.html);*

*Логика ближневосточного овцевода не сложнее таковой у чукотского оленевода: вместо крови обычного жертвенного животного — кровь человека, причем не просто — а самого Бога в человеческом воплощении, да еще в великий праздник Пейсах — быть **мегаискуплению** грехов на все времена! (<https://martinis09.livejournal.com/703223.html>).*

Контексты употребления окказиональных дериватов с размерно-оценочными префиксами на базе лексем *покаяние*, *добродетель* и *искупление* подтверждают выявленную ранее для лексемы *грех* тенденцию несерьезно-

го, иногда даже глумливого отношения говорящих к этим, безусловно, экзистенциально важным для человека понятиям в традиционной культуре.

Другая группа окказиональных дериватов на базе лексемы *грех* отражает другую сторону десакрализации одноименного концепта, а именно — его возможное дезавуирование посредством употребления префиксов *псевдо-* и *квази-* со значением, мнимости, ложности, неистинности явления, названного производящим словом:

*Несколько российских хоккеистов за какие-то **псевдогрехи** отлучили от зимних Игр-2018, и тем все ограничилось* (PIKABU // https://pikabu.ru/story/kapli_v_nos_kak_prestuplenie_pervye_quotdopingeryiquot_zimnikh_olimpiad_khokkeisty_5693925);

*Мотив исповедничества реализован в романе относительно второстепенных героев, которые, будучи пораженными смертью Ленина, массово обращаются в коммунизм, исповедуются в **квазигрехах*** (<http://cheloveknauka.com/zhitiynye-motivy-v-romane-nikolaya-ostrovskogo-ka-k-zakalyalas-stal>).

Это же противопоставление истинной и мнимой реальности наблюдается в облегченной трактовке такого значимого духовного действия, как *покаяние*:

*Неоязычество как форма поклонения **псевдопокаяние** богам* (<https://otvet.mail.ru/question/208560016>);

*Тем, кто любил творчество Высоцкого, это запоздалое, вымученное **квазипокаяние** властей представлялось абсолютно неадекватным и неуместным, как плевок в бессмертную душу поэта* (<http://maxpark.com/community/5487/content/6040344>);

— или *искупление*:

*Таким образом, мы имеем дело с внутренней битвой героя, наполненного гневом и ненавистью, битвой, находящей свое выражение в **псевдожертвенности** и **псевдоискуплении*** (<https://www.kinopoisk.ru/user/1677886/comment/1287891/>);

*У Беньямина мы находим следующую мысль: перевод должен быть подчинен метафизическому развороту и гиперболизации, которая придает ему смысл утешения и **квазиискупления*** (http://go-veg.ru/_ld/0/32_Blazhen_izhe_i_.pdf);

— и такого качества истинно духовного человека, как *добродетель*:

*... терпимость ко злу революции, к социальным экспериментам, сопровождавшимся "массовыми преступлениями против собственного народа", есть **псевдодобродетель** людей без совести и без убеждений* (<http://ofmvd.ru/event/616/>);

... *распадается богоугодный миропорядок, а добро изгоняется не открытой греховностью (и не прямым «преступлением», как в «Оливере Твисте»), а страшным инвертированием христианских ценностей, «квазидобродетелью»* (<https://docplayer.ru/59275497-Latvijas-universitate-rusistikas-centrs.html>).

Лексемы *грех, покаяние, добродетель* и *искупление*, включаясь в модели подобной окказиональной деривации, неизменно снижают стилистический регистр, как правило, они также приобретают излишнюю экспрессию и выражают неуместную иронию, что вполне укладывается в рамки отмеченной нами тенденции к десакрализации концептуального поля «Грех», которая в наши дни распространяется и на сферу интернет-коммуникации.

4. Префиксоидальные новообразования на базе лексем *грех, покаяние, добродетель* и *искупление*

Схожие явления мы видим и в префиксоидальных новообразованиях уже, напротив, со значением малого размера или объема, малой степени чего-либо (префиксоиды *мини-, полу-* и пр.):

Олимпийцы: Мини-юбка толкнула отца Кирилла на мини-грех (КВН-МОСКВА. <http://moskvn.ru/interesnoe/rep/item/1358-m.html>);

Так себе, полугрех. В общем, и смех, и грех, как говорится. Ну а если без этих нюансов я всё же предпочту знать, угодно ли это Богу ... (Евангелие: Христианский портал // <http://www.evangelie.ru/forum/t141596-3.html>).

В соответствии с принципами религиозно-христианской рецепции данного концепта грех, разумеется, не бывает *мини-* и *полу-*, то есть он не может мыслиться в большей или меньшей степени. Несерьезное, шутовское отношение к объекту номинации зачастую усиливается и за счет контекстного окружения (*Так себе, полугрех. В общем, и смех, и грех, как говорится*).

Также минимизируются и «ополовиниваются» такие важные для традиционной духовности сущности, как *покаяние*:

А чуть дальше в прошлое — снова всё как у нас, только страшно спрессовано — революция, гражданская война, голод, резня наверху, массовый террор, партийное мини-покаяние — всё уложено в тридцать лет (http://www.chaskor.ru/article/imenno_poetomu_my_vyrezali_zvezdu_u_tebya_na_spine_12066);

Полупокаяние и голосование: ставить 2 реле или 1? Вникал в схему, много думал. Вот у жигулёвской электросхемы всё наглядно: <...> А газельная схема какая-то зазеркально-потусторонняя (<https://forum.auto.ru/mark/gaz/1240023/>);

— *добродетель* и *искупление*:

А в тени Евромайданов, как зловещая антитеза к нуждающемуся в качественных переменах обществу, — гримасы существующего политического строя, созданного на совсем другой ценностной основе. Это уже не просто «полуправда» и «полудобродетели», это уже — откровенная ложь и лицемерие (<https://day.kyiv.ua/ru/article/kult-ura/tipa-kultura-tipa-intellekt-ili-kak-preodolevat-nedoevropeyskiy-mentalitet>);

*И вместо этого решила устроить в честь маминого дня рождения обед, приготовив настоящие блюда из наших бывших республик. Как прославление, как **полу-искупление*** (<https://1000soveto-receptov.ru/bookread-549053/page-63>).

Значительной активностью в языке сети отличаются модели окказионального образования сложных слов-композигов, в которых к корню *грех* присоединяются иноязычные постоянные компоненты — префиксоиды интернационального характера типа *теле-, фото-, кино-, авто-* и пр. Участие лексемы *грех* как репрезентанта одноименного концепта в указанных активных процессах русского окказионального словообразования демонстрирует еще одну тенденцию в смысловых и коннотативно-оценочных преобразованиях этого слова в речевой практике носителей русского языка нашего времени, а именно: существенное расширение сферы приложимости концепта ГРЕХ, распространение возможности реализации репрезентирующих его лексем применительно к таким областям жизни, где раньше (при условии традиционного понимания греха) это было немыслимо:

*Подписывайтесь! Регулярные выпуски **киногрехов**. Выпуски каждые выходные! Идея взята у Cinema Sins...* (Киногрехи: Портал любителей кино // <https://www.youtube.com/channel/UC9PGv4bua5LU35Pc3w8WDoQ>);

*ОСАГО — на измене: за **автогрехи** расплатятся по-новому* (Собеседник.ru: Официальный портал // <https://sobesednik.ru/avto/20150403-osagona-izmene-za-avtogrehi-rasplatyatsya-po-novomu>);

*Эшли Хесселтайн из Атланты не отстаёт от Ани и публикует в свой Instagram пародии на женские **фотогрехи*** (Bros Being Basic: мужчины-ТП в Instagram // <https://ekb-room.ru/bros-being-basic-muzhchiny-tp-v-instagram-59227/>);

***Телегрех**. Порочная жизнь франчайза «Города грехов» не закончится с выходом сиквела* (Телегрех — КГ-Портал // <https://kg-portal.ru/comments/14685-telegreh/>).

Можно видеть, что в современных контекстах лексемы, репрезентирующие концепт ГРЕХ, существенно расширяют сферы своей возможной контекстной актуализации в сравнении с исконными принципами их употребления. Получается, что в современном мире возможны телевизион-

ные, кинематографические, фотографические, автомобильные и др. грехи, что опять же противоречит традиционному пониманию этого феномена.

Искушение так же, оказывается, бывает автомобильным:

*Сначала метро, теперь ТАЗик... Ты там что, перед уходом в автомонастырь **автоискушение** грехов решил замутить?* (<https://www.drive2.ru/b/1729382256910323240/>).

Те же тенденции наблюдаем для префиксоидизации лексемы *покаяние*, которое может осуществляться в сфере фотографии, телевидения или автомобилей:

Фотопокаяние. *Только что узнал, что плата за фотосъёмку в музеях незаконна. Следовательно, я — соучастник преступления и регулярно продаю родину* (<https://varandej.livejournal.com/539138.html>);

*Мне это сильно напоминает публичное **телепокаяние** о. Димитрия Дудко в 1980 г., когда он сидел в тюрьме...* (<https://pretre-philippe.livejournal.com/18439.html>);

АВТОПОКАЯНИЕ. *Уважаемые форумчане, в очередной раз решил потревожить ваш “возмущённый разум” своей темой* (<https://forums.drom.ru/vladivostok/t1151878722.html>).

Добродетель может репрезентироваться в тех же сферах:

*В сиквеле же появились зачатки важнейшей **кинодобродетели** — сдержанности* (<https://www.irk.ru/afisha/reviews/20130805/red/>);

*Кабанова О. Он ходит в гости по утрам. Тимур Кизяков как образ **теледобродетелей** // Известия. 17 августа 2002 и др.* (<http://evartist.narod.ru/text19/035.htm>);

*...(кстати, вопрос ревнителям **фотодобродетелей**: что говорит российское законодательство по поводу использования детей 8-10-14-летнего возраста в картинах, изображающих сцены насилия?)* (<https://podakuni.livejournal.com/213598.html>);

*Ценители подобных **автодобродетелей** все равно найдутся, а в том, что этот «японец» их не разочарует, мы уверены* (<https://www.isuzu.ru/magazine/test-drive/pikap-d-makh-pervyy-ekzamen/>).

В контексте интересующей нас проблемы десакрализации описанные выше явления можно трактовать как осмысление в терминах греха, покаяния, добродетели и искупления таких областей действительности, к которым раньше это понятие было неприменимо: кинематографа, телевидения, фотографии и пр.

5. Заключение

Все рассмотренные в статье окказионализмы — это, разумеется, не просто новые слова. Согласно нашей концепции, за активным исполь-

зованием моделей неузального словообразования стоят определенные форматы знания о мире, ценностные приоритеты и речеповеденческие установки говорящих по-русски.

Проанализированный материал свидетельствует о том, что в рецепции концептов ГРЕХ, ПОКАЯНИЕ, ДОБРОДЕТЕЛЬ И ИСКУПЛЕНИЕ проявляется подчеркнутая секуляризация восприятия, «обытовление» этих изначально высоких духовных понятий, стремление к экспрессивности любой ценой, в том числе и за счет элиминации позитивного смыслового и ценностного потенциала лексем *грех*, *покаяние*, *добродетель* и *искупление*, установка говорящих на тотальную иронию, ерничество — все это мы можем трактовать в духе развившегося в современном обществе представления о нравственном релятивизме как отражение эстетики «виртуализации реальности» в современной цивилизации.

Исследование показало, что концептуальное поле «Грех» по-прежнему обладает чрезвычайной активностью и существенной значимостью в национальном языковом сознании, о чем свидетельствует стремление говорящих по-русски интерпретировать в терминах греха, покаяния, добродетели и искупления самые разные области общественной, культурной и внутренней жизни.

Однако при этом сама рецепция концептуального поля «Грех» в современной русской речевой практике, актуализованной в интернет-коммуникации, отличается определенным выхолащиванием религиозно-христианского содержания этого концепта, характеризуется несерьезным, облегченным, шутливым и иронически сниженным отношением к греху.

В результате складывается понимание греха как простительной слабости, а не как духовного повреждения души, утрачивается представление о деятельностном характере покаяния как важного духовного акта личности, минимализируется противопоставление добродетели и порока, дискредитируется идея искупления как нравственного спасения.

Само образование подобных неолексем, как и специфика их функционирования в интернет-коммуникации, свидетельствует о дальнейшей десакрализации концептуального поля «Грех» в языковом сознании современных носителей русского языка.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика : сборник научных статей. — Москва : Наука, 1986. — Вып. 28. — С. 5—33.

2. *Брилева И. С.* Концепт греха в структуре фольклорного произведения : на материале малых жанров и несказочной прозы : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.09 / И. С. Брилева. — Москва, 2007. — 25 с.
3. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; перевод с английского ; ответный редактор и составитель М. А. Кронгауз ; вступительная статья Е. В. Падучевой. — Москва : Русские словари, 1997. — 416 с.
4. *Гак В. Г.* Актантная структура грехов и добродетелей / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Языки этики. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 90—96.
5. *Земская Е. А.* Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. — Москва : Высшая школа, 1992. — 220 с.
6. *Козина О. Н.* Грех / О. Н. Козина // Антология концептов. — Волгоград : Парадигма, 2005. — Т. 2. — С. 59—73.
7. *Козулина Н. А.* Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника / Н. А. Козулина, Е. А. Левашов, Е. Н. Шагалова. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2009. — 288 с.
8. *Лопатин В. В.* Аффиксоид / В. В. Лопатин // Русский язык. Энциклопедия / под редакцией Ю. Н. Караулова. — Москва : Дрофа, 1997. — С. 42—44.
9. *Новые тенденции в русском языке начала XXI века* : коллективная монография / под редакцией Л. В. Рацибурской. — Москва : Флинта ; Наука, 2014. — 304 с.
10. *Панова Л. Г.* Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «рессато») / Л. Г. Панова // Логический анализ языка : Языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 167—177.
11. *Радбиль Т. Б.* Аномалии в сфере языковой концептуализации мира / Т. Б. Радбиль // Русский язык в научном освещении. — 2007. — № 1 (13). — С. 239—265.
12. *Радбиль Т. Б.* Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира / Т. Б. Радбиль // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2017. — Т. 13. — С. 107—115.
13. *Радбиль Т. Б.* Основы изучения языкового менталитета : учебное пособие / Т. Б. Радбиль. — Москва : Флинта: Наука, — 4-е издание, 2016. — 328 с.
14. *Радбиль Т. Б.* «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова / Т. Б. Радбиль // Филологические записки : Вестник литературоведения и языкознания. — 1999. — Вып. 13. — С. 137—153.
15. *Радбиль Т. Б.* Языковая аномальность в русской речи : к проблеме типологии / Т. Б. Радбиль // Русский язык в научном освещении. — 2006. — № 1 (11). — С. 7—100.
16. *Сайгин В. В.* Концептуальное поле «грех» в пространстве русской культуры : опыт комплексного лингвокогнитивного описания : монография / В. В. Сайгин. — Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2015. — 258 с.
17. *Семухина Е. А.* Концепт «грех» в национальных языковых картинах мира : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. А. Семухина ; ПИ СГУ им. Н. Г. Чернышевского. — Саратов, 2008. — 24 с.

18. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2015. — 232 с.
19. Anderson G. A. *Sin : A History* / G. A. Anderson. — New Haven–London : Yale University Press, 2009. — 253 p.
20. Kahn V. What Original Sin? Political Theology, the Jewish Question, and the Work of Metaphor / V. Kahn // Telos Spring. — 2017. — Vol. 2017. — Pp. 100—120.
21. Lam J. Patterns of Sin in the Hebrew Bible : Metaphor, Culture, and the Making of a Religious Concept / J. Lam. — Oxford : Oxford University Press, 2016. — 308 p.

Language Objectification of the Conceptual Field “Grekh” (“Sin”) in the Models of Russian Non-Usual Word-Formation

© Saygin Vadim Victorovich (2019), orcid.org/0000-0003-0542-1106, SPIN-code 4517-1814, PhD in Philological Sciences, First Vice-Rector, Vice-Rector for Economic and Innovative Development, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), secretar@ahch.unn.ru.

The article analyzes the reflexes of desacralization of the conceptual field “Grekh” (Sin) in models of occasional derivation based on the lexemes of *grekh* (sin), *pokaianie* (repentance), *dobrodetel* (virtue), and *iskuplenie* (redemption), which are manifested in modern Russian speech. The material for the study is the data of Internet communication. The theoretical basis of the work is the principles of the study of language conceptualization of the world. We used the method of structural-semantic analysis of units of the word-formation system of a language and the method of linguo-culturological interpretation of active processes in the Russian language of the latest period. The phenomena of occasional nominal prefixation (prefixes *super-*, *hyper-*, *mega-*, *archi-*, *ultra-*, *pseudo-*, *quasi-*) and prefixoidization (prefixoids *semi-*, *mini-*, *kino-*, *tele-*, *photo-*, *auto-*) which includes lexemes *grekh* (sin), *pokaianie* (repentance), *dobrodetel* (virtue), and *iskuplenie* (redemption) are described. It is shown that these phenomena actualize two types of semantic and stylistic transformations in discourse: (1) non-usual expansion of the semantic volume (*telegrekh* (tele-sin), *photo-dobrodetel* (photo-virtue), *autopokayanie* (auto-repentance), *kinoiskuplenie* (kino-redemption)); (2) connotative-evaluative and emotionally-expressive increments of meaning (*mini-grekh* (mini-sin), *pseudo-pokayanie* (pseudo-repentance), *super-dobrodetel* (super-virtue), *mega-iskuplenie* (mega-redemption)). It is concluded that the reception of the conceptual field “Grekh” (Sin) in modern Russian Internet communication is characterized by a certain elimination of the religious-Christian content of this conceptual field, characterized by an unserious, lightweight, playful and ironically reduced attitude to sin.

Key words: conceptual field; grekh; sin; occasional derivation; nominal prefixation; prefixoid; desacralization; Russian in the Internet.

References

- Apresyan, Yu. D. (1986). Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model mira. In: *Semiotika i informatika: sbornik nauchnykh statey*, 28. Moskva: Nauka. 5—33. (In Russ.).
- Anderson, G. A. (2009). *Sin: A History*. New Haven–London: Yale University Press.

- Brileva, I. S. (2007). Kontsept grekha v strukture folklornogo proizvedeniya: na materiale mal'kikh zhanrov i neskazochnoy prozy: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.09. Moskva. (In Russ.).
- Gak, V. G. (2000). Aktantnaya struktura grekhov i dobrodetey. In: *Logicheskij analiz yazyka. Yazyki etiki*. Moskva: Yazyki russkoy kultury, 90—96. (In Russ.).
- Kahn, V. (2017). What Original Sin? Political Theology, the Jewish Question, and the Work of Metaphor. *Telos Spring, 2017*: 100—120.
- Kozina, O. N. (2005). Grekh. In: *Antologiya kontseptov, 2*. Volgograd: Paradigma. 59—73. (In Russ.).
- Kozulina, N. A., Levasho, E. A., Shagalova, E. N. (2009). *Affiksoidy russkogo yazyka. Opyt slovaryu-spravochnika*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.).
- Lam, J. (2016). *Patterns of Sin in the Hebrew Bible: Metaphor, Culture, and the Making of a Religious Concept*. Oxford: Oxford University Press.
- Lopatin, V. V. (1997). Affiksoid. In: Karaulov, Yu. N. (ed.) *Russkiy yazyk. Entsiklopediya*. Moskva: Drofa. 42—44. (In Russ.).
- Panova, L. G. (2000). Grekh kak religioznyy kontsept (na primere russkogo slova «grekh» i italyanskogo «ressato»). In: Arutyunova, N. D., Yanko, T. E., Ryabtseva, N. K. (eds.) *Logicheskij analiz yazyka: Yazyki etiki*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 167—177. (In Russ.).
- Radbil', T. B. (1999). «Semantika vozmozhnykh mirov» v yazyke Andreyu Platonova. *Filologicheskiye zapiski: Vestnik literaturovedeniya i yazykoznaviya, 13*: 137—153. (In Russ.).
- Radbil', T. B. (2006). Yazykovaya anomalnost' v russkoy rechi: k probleme tipologii. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii, 1 (11)*: 7—100. (In Russ.).
- Radbil', T. B. (2007). Anomalii v sfere yazykovoy kontseptualizatsii mira. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii, 1 (13)*: 239—265. (In Russ.).
- Radbil', T. B. (2016). *Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta: uchebnoye posobiye*. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).
- Radbil', T. B. (2017). Kulturnaya apropiatsiya zaimstvovaniy v svete teorii yazykovoy kontseptualizatsii mira. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, 13*: 107—115. (In Russ.).
- Ratsiburskaya, L. V. (ed.) (2014). *Novyye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka*. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).
- Saygin, V. V. (2015). *Kontseptualnoye pole «grekh» v prostranstve russkoy kultury: opyt kompleksnogo lingvokognitivnogo opisaniya: monografiya*. Nizhniy Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo. (In Russ.).
- Semukhina, E. A. (2008). *Kontsept «grekh» v natsionalnykh yazykovykh kartinakh mira: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.19*. Saratov. (In Russ.).
- Ulukhanov, I. S. (2015). *Edinitsy slovoobrazovatel'noy sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya*. Moskva: Izd-vo LKI. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (1997). *Yazyk. Kultura. Poznaniye*. Moskva: Russkiye slovari. (In Russ.).
- Zemskaya, E. A. (1992). *Slovoobrazovaniye kak deyatelnost'*. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).